

ЕКАТЕРИНОСЛАВСКАЯ

ЕПАРХИАЛЬНЫЕ ВѢДОМОСТИ.

ОТДѢЛЪ НЕОФИЦІАЛЬНЫЙ.

1-го Апрѣля № 7. 1882 года.

С Л О В О

въ день восшествія на престолъ Государя Императора, сказанное 2-го Марта 1882 года.

Церковь и Отечество празднуютъ нынѣ восшествіе на Всероссийскій престолъ Благочестивѣйшаго, Самодержавнѣйшаго Великаго Государя, Императора Александра Александровича.

Было время—и оно было недавно—когда день, подобный настоящему, составлялъ особенно выдающееся—народное русское торжество. Припомнимъ, что 19-е февраля минувшаго царствованія постоянно вдохновляло, окрыляло и русскую мысль, и русское патриотическое чувство. Публицисты, историки, художники, поэтъ, ораторъ, проповѣдникъ находили для себя въ этомъ событіи широкую, благодарную, неисчерпаемую тему. Теперь—говорятъ, не-то. Прислушайтесь къ голосу, который идетъ „изъ сердца Россіи“, съ той стороны, которая любитъ называть себя исключительно Русью: этотъ голосъ прямо и открыто проповѣдуетъ, что русская жизнь замерла, остановилась; что у русскаго генія подрѣзаны крылья, что единственныи выходъ къ лучшему—это движеніе не впередъ,

а назадъ — домой, въ Москву, къ формамъ и устоямъ до — Петровской Руси Пётръ, — раздается голосъ съ сѣвера, — впередъ, впередъ, — на западъ. Только всемогущая сила европейской науки, только свѣточъ знанія, постепенно проникающій и озаряющій русскую жизнь — вотъ радикальное средство отъ обдержанныхъ насъ золь. Послѣ этихъ крайнихъ печальниковъ русской земли раздается еще одинъ горячій, страстный возгласъ: мы у себя дома — не дома; *разумѣйте языцы и покоряйтесь* — все зло въ насъ; — это врагъ челоуѣкъ съѣтъ плевелы на землѣ русской. Сказано хорошо, мѣтко, виолнѣ по русски; но опущено изъ виду, что врагъ челоуѣкъ съѣтъ плевелы тогда, когда добрые люди *спятъ* (Матѣ 13 и 25 ст.).

Но среди такого русскаго мыслеоборота, среди этого не эвидонскаго, а русскаго смѣшенія отиодно-любимыхъ понятій, окончилась нынѣ первая годовщина — знаменательнаго, историческаго событія, восшествія на престоль Его Величества, **ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III**. Но *да не смущается сердце наше...* Въ Россіи — государствѣ юномъ и свѣжемъ, въ государствѣ далеко не завершившемъ еще своего духовнаго роста и развитія — каждое новое царствованіе представляетъ собою новую эпоху въ процессѣ этого развитія, и переходъ къ новому царствованію, какъ время переходное, натурально сопровождается болѣзненнымъ настроеніемъ въ области чувства, и крайнимъ возбужденіемъ въ области мысли. Всюпомнимъ послѣдніе годы царствованія, въ Бозѣ почившаго, **ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ I**. Большинство русскаго народа питало глубочайшее убѣжденіе, — что западъ гнетъ, что Россія достигла совершенства во всѣхъ отношеніяхъ; что челоуѣчество, въ лицѣ Россіи, прошло послѣднюю конечную ступень своего развитія; патриоты — фанатики были близки даже къ мысли о близкой конципѣ міра. Но вотъ наступило новое царствованіе, въ Бозѣ почившаго, **ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА II**. Пошли реформы

за реформами: для всѣхъ русскихъ стало ясно, что *до конца* еще далеко, ибо Россія только съ этихъ поръ твердо ступила на путь прогресса, въ духъ правды и любви. Минувшее царствованіе, въ этомъ отношеніи, навсегда останется самымъ блестящимъ въ исторіи Россіи. По мановенію **ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА II.**, Русь, словно богатый, росла не поднимъ, а по часамъ. Но и это — *не конецъ*. Теперь, когда законодательными реформами **ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА II.** для русской жизни указанъ извѣстный политическій идеаль, Россіи, подъ руководствомъ ея Верховнаго Вождя **ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III.**, предстоитъ впереди гигантскій трудъ: приложить къ дѣлу, примѣнить къ жизни, обратить въ русскую плоть и кровь великія идеи и начинанія минувшаго царствованія. Время восторженнаго поклоненія *на словахъ* этимъ идеямъ и начинаніямъ прошло. Наступило время, когда Августѣйшимъ Именемъ новаго Царя отъ каждаго русскаго требуется на самомъ дѣлѣ доказать сочувствіе обновленію русской жизни въ духъ правды и любви, — отреченіемъ отъ неправды во всѣхъ возможныхъ видахъ и попользовеніяхъ и отъ узкаго эгоизма, для котораго нерѣдко общее благо казалось до сихъ поръ благомъ крайне отвлеченнымъ и сомнительнымъ. И это, конечно, непременно будетъ: ибо, по всѣмъ Божескимъ и человѣческимъ законамъ, иначе быть не должно, если мы русскіе, на великой нивѣ земли русской, изображаемъ собою чистую пшеницу, — если у васъ не только *русская кость*, но и русскій духъ, глубоко проникнутый сознаніемъ своего историческаго достоинства среди другихъ народовъ міра.

Да, для Россіи, по Царскому мановенію новаго Монарха, очевидно, наступила исторически — преемственная пора обнаружить свою политическую зрѣлость; показать, что она — наша кровная, родная, не только *исполнила брани*, но и *мужь крѣпкаго свѣта и разума*. Вотъ почему, со всѣми русскими

людьми, мы глубоко убѣждены въ томъ, что восшествіе на престоль **ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III** — это такой же глубоко-знаменительный *великій русский день*, какимъ, въ свое время, былъ день восшествія на престоль **ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА II**.

Братья — русскіе! *Сей день, его же сотвори Господь, возрадуемся и возвеселимся въ оныи о Царь своемъ*. Помни, что въ единеніи съ Царемъ заветная тайна могущества и счастья Россіи, пойдемъ не на западъ и востокъ, не на югъ и сѣверъ, а туда, куда укажетъ намъ путь наша Надежда Царь-Государь; пойдемъ безъ сомнѣній и колебаній, пойдемъ — и докажемъ, что и насъ, русскихъ, Господь не обидѣлъ умомъ — разумомъ; что наша русская натура — натура не только широкая, но и глубокая. Амишь.

Протоіерей Теодоръ Покровский.
г. Таганрогъ.

Гдѣ средство противъ пустоты нашей семейной жизни?

Пусто и скучно (говорять часто) въ нашихъ семейныхъ домахъ. Люди не находятъ счастья и полноты жизни у домашнего очага, въ стѣнахъ роднаго крова, и если не задерживаетъ ихъ дома какая-либо обязательная работа, они сифшатъ изъ него куда нибудь во вѣкъ, въ мѣста публичныхъ собраній, въ клубы, театры, на гулянья, въ веселую товарищескую компанію, — въ деревняхъ, на улицы и шинки, чтобы пайти здѣсь развлеченіе, чтобы провести безъ скуки время, и чтобы наполнить чѣмъ либо душу, не находящую утѣшенія и содержанія среди своего семейства. Это стремленіе людей изъ своего дома въ мѣста общественныхъ собраній не у всѣхъ проявляется съ одинаковою силою, и можетъ быть, есть не мало людей, свободныхъ отъ него. Но оно замѣтно распространяется довольно широко въ современномъ

поколѣній и подчиняеть себѣ людей честныхъ нравовъ и добраго направленія. Отъ того такъ увеличиваются въ числѣ мѣста общественныхъ увеселеній и собраний; отъ того такъ разнообразятся удовольствія, предлагаемыя въ нихъ бѣгущимъ изъ своего дома; отъ того они всегда почти такъ полны поспѣтителями.

Между тѣмъ семья первая богозданная и Богомъ благословенная форма, въ которой, по намѣренію и устройенію Божію, человѣку дано находить нравственную живительную теплоту, утѣшеніе, радость и ободрѣніе. Семейство явилось въ мірѣ Божіемъ именно для счастья и утѣшенія человѣка. Господь устроилъ его потому, что видѣлъ, по созданіи перваго человѣка, *не добро быти человеку единому* (Быт. 11, 18). И первый человѣкъ, когда увидѣлъ предъ собою помощника, подобнаго ему, тотчасъ же высказалъ тайну Божія изволенія о томъ, чтобы человѣкъ, призванный къ семейной жизни, оставилъ все, прилѣпился къ спутницѣ своей жизни неразрывною связью, и почувствовалъ, что здѣсь въ семействѣ ему предложено добро, котораго прежде не было, утѣшеніе и радость, прежде не испытанныя. Господь вдохнулъ въ семейство духъ любви, связующій его членовъ узами сколько крѣпкими, столько пріятными, и этотъ духъ есть то благословеніе Божіе, которымъ онъ ограждаетъ и умножаетъ наше счастье на землѣ. И сколько отъ этого благословенія Божія или отъ этого духа любви возросло добра или счастья человѣческаго, сколько утѣшенія доставлено въ минуты тяжелыхъ страданій, сколько ободряющей и укрѣпляющей силы даровано изнемогающимъ въ борьбѣ съ обстоятельствами, сколько радости испытано сердцами человеческими, объ этомъ знаютъ вѣка, протекшіе до нашего времени, и тѣ поколѣнія, которыя жили прежде насъ въ мірѣ, нами населяемомъ. Знаютъ это и нынѣ многіе, не потерявшіе благословенія Божія.

Но когда мы видимъ, что скучно дома многимъ изъ нашихъ знакомыхъ, когда мы слышимъ частыя жалобы ихъ на пустоту и тоску, ощущаемыя ими дома, мы должны заключить, что опустѣлъ ихъ семейный домъ, что изчезъ изъ него тотъ духъ, который долженъ жить въ и наполнять тѣло семейственнаго организма, и что въ немъ, и при многочисленности членовъ нѣтъ жизни и внутреннего содержанія, нѣтъ людей, привязывающихъ къ семейству своихъ сочленовъ, и могущихъ давать имъ то, что имъ нужно для утѣшенія ихъ сердца и для наполненія ихъ души.

Что же дѣлать, чтобы не было скучно въ семействѣ, и чтобы семейный домъ и при многочисленности не смотрѣлъ опустѣлымъ, и чтобы члены его не бѣжали на сторону искать развлеченія и удовольствій?

Конечно, нужно сохранять и возрѣвать ту взаимную любовь, которая, по мысли Творца, должна лежать въ основаніи семейства, и которая должна привязывать къ семейному очагу всѣхъ членовъ, составляющихъ одинъ семейственный организмъ. Если сохраняется между семействами этотъ даръ Божій, служащій наилучшею связью семейнаго дома, тогда нѣтъ побужденій у нихъ оставлять во всякую свободную минуту своихъ и искать утѣшенія и радости между чужими.

Прекрасный совѣтъ скажутъ, — сохранять и возрѣвать духъ любви, связующій членовъ семейства въ одно крѣпкое цѣлое. Но исполненіе его не зависитъ отъ воли человѣка. Любовь семейная — это даръ, намъ сообщенный, или благовѣщеніе Божіе, которое можетъ быть отнято отъ насъ, помимо нашихъ желаній. А иногда ни чѣмъ по видимому не нарушается тишина и согласіе между членами семейства, но они ничего не находятъ другъ въ другѣ, чтобы чаще быть въ общеніи между собою, живутъ хорошо между собою, и въ то же время скучаютъ, когда приходится имъ сидѣть другъ

подъядруга. Иной честный семьянинъ желаетъ бы, чтобы ему въ невольномъ было мило и нравилось, чтобы его влекло сюда и удерживало среди своихъ, — но вѣтъ, на перекоръ его вольдомъ его кажется ему постылымъ и не даетъ ему той полноты, какой ищетъ душа его, и какъ будто какая-то невидимая сила гонитъ его изъ стѣвъ своего жилища туда, куда собираются люди, гонимые пустою своей домашней жизнью.

Одно средство можно рекомендовать противъ недуга пустоты и скуки, развѣдающего наши семейства, — это обратиться къ религіи въ чувствѣ вѣры искать той жизненной силы, которая можетъ одать исцѣленіе отъ этого недуга. Это чувство согрѣетъ небеснымъ огнемъ охлаждающій сердца наши и удержитъ въ нихъ тотъ духъ взаимной любви, который такъ необходимъ для полноты и счастья семейной жизни. Это чувство дастъ намъ въ тяжелыя минуты сильное слово молитвы, которая призоветъ благословеніе Божіе, оставляющее недостойныхъ и не дорожащихъ имъ. Это чувство вѣры устроитъ такъ порядокъ домашней жизни, что въ выполненіи его требованій вы будете находить услажденіе для себя, и будете смотрѣть на него, какъ на дорогую для васъ святыню.

Религія всегда была охранительницею семейнаго дома и его счастья. Еще въ языческія времена, по несознаваемому ясно преданію о благословеніи Божіемъ, полюбившемъ основаніе семейному союзу, каждый семейный домъ считался какъ бы жилищемъ Божіимъ. У язычниковъ каждый домъ былъ подъ охраною особыхъ вышечеловѣческихъ существъ, домашнихъ боговъ, называемыхъ пенатами, и на семейномъ очагѣ возжигался священный огонь, служившій выраженіемъ того, что души членовъ семейства обращены своими помыслами и желаніями къ повровительствующей силѣ Божіей. Глава семейства былъ въ некоторомъ смыслѣ жрецомъ, вы-

полнявшимъ въ опредѣленные времена извѣстные религіозныя обязанности отъ лица своего семейства или въ присутствіи всего семейства. Религіозное чувство обязывало охраняло святыню семьи. Пенаты, — боги, хранители дома, — были при этомъ тягательною силою, въ удерживающую въ семьѣ всего членовъ и внушавшею имъ почтеніе къ семейному дому. А когда они забывались, они, когда переставали считаться этихъ невидимыхъ охранителей дома, семья разрушалась, теряла силу удерживать при себѣ своихъ членовъ, и они жемъ всего домашней сосредоточенности — искали уличной разбѣжности въ дѣла и ит

Если же въ язычествѣ религіозное чувство, амутное и не-просвѣтленное, имѣло то великое благодѣтельное значеніе для семьи, то что сказать о значеніи религіознаго чувства въ христіанствѣ, просвѣтившемъ и возвысившемъ а нціи естественныя чувства и стремленія? Къ силѣ религіи нужно прибѣгать, религіозное чувство нужно оживать, чтобы поддержать и укрѣпить семью, чтобы заставить видѣть въ ней оу святыню, подъ кровомъ которой можно найти больше тишины и пріятности, чѣмъ на открытыхъ мѣстахъ площадей и общественныхъ собраний.

Обратитесь своею мыслию ко временамъ впервенствующей церкви, когда въ сердцахъ живо и сильно было религіозное одушевленіе, и когда высшая благодатная сила осѣняла христіанскія семьи. Эти благодатныя семьи были не простыми домами, а домашними церквами, какъ и величаютъ ихъ не разъ Апостоль Павелъ. Въ этихъ домашнихъ церквахъ чувствовалась полнота жизни, благословенной Богомъ, и не бѣжали отъ нея на страну далекую члены домашней церкви; но напротивъ, она привлекала въ свой домъ не только своихъ, но и чужихъ, общая и доставляя удовольствіе самыхъ потребностей человѣческаго сердца. Нравственная атмосфера была такая чистая и свѣтлая, что въ ней

дышалось пріятно и свободно. Въ семейномъ домѣ видѣлись осуществленными тѣ желанія, какія нѣкогда высказывалъ великій Апостоль языкъ въ посланіи къ Колоссянамъ. Члены его, одушевленные новою вѣрою, отлагали все, препятствующее благоустроению семейнаго счастья: *гнѣвъ, ярость, злобу, злорѣчіе, сквернословіе*, и не говорили *ложь другъ другу* (Кол. III, 8, 9), ни облекались, *какъ избранные Богомъ, въ милосердіе, благодать, смиренномудріе, кротость, долготерпѣніе, снисходили другъ другу и прощали взаимно, ели кто досаждалъ кому.* Болѣе же всего они облекались въ *любовію, которая есть совокупность совершенства, были дружелюбны, и миръ Божій владычествовалъ въ сердцахъ ихъ.* Они занимались словомъ Писанія и старались усвоить себѣ слово Христово. Сходясь вмѣстѣ, они поучали и враждовали другъ другу *всамами и духовными писаніями.* И въ все, что ни дѣлали, все дѣлали во имя Господа *Исуса Христа, благодаря чрезъ Него Бога и Отца, и Жену* повинувались мужьямъ своимъ, а мужья любили своихъ женъ и не были къ нимъ суровы. Дети были послушны родителямъ своимъ во всемъ, а отцы не раздражали детей своихъ. Рабы во всемъ повинувались господамъ своимъ, не въ глазахъ только и служе имъ, какъ челоукоугодники, но въ простотѣ сердца, боясь Бога (Кол. III, 12—23).

Отъ чего и теперь людямъ, искушающимъ въ своемъ семейномъ домѣ, не постараться дѣлать изъ него домашнюю церковь съ тою чистою и нравственною атмосферою, какая видна была въ домахъ первенствующихъ христіанъ, одушевляемыхъ вѣрою и любовію Христовою, свѣтъ же благоуханіемъ святыхъ чувствъ, какое дѣлало такъ пріятнымъ семейное общеніе первыхъ христіанъ? Желанія и предписанія Апостола Павла писаны не для однихъ колоссянъ: они и для насъ обязательны, — они и намъ могутъ принести неощѣненную пользу,

если только мы сдѣлаемъ ихъ правиломъ нашей жизни. Религія не приноситъ ея благодать и дають исцѣленіе отъ нравственныхъ болѣзней; она же укрѣпляетъ и возвышаетъ пріятности жизни. Призовите въ свой домъ Господа и святыхъ Его, или душите, и почувствуете близость Его, потому что Онъ не далеко отъ васъ. Онъ въ звездѣ, онъ въ два или три человека, собранныя въ имя Его; Онъ всегда близъ боящихся Его, — и вотъ вашъ домъ будетъ не простой и не пустой домъ, а какъ бы храмъ, осѣненный присутствіемъ высшей благотворящей и охраняющей силы Божіей. Въ нашихъ домахъ есть окна, напоминающія намъ о Богѣ, нашемъ Промыслителѣ и Спасителѣ, и о святыхъ Его, готовыхъ охранять насъ и исправлять у Бога требуемыхъ. Для насъ милостей небесныхъ. Пусть онъ будутъ не однимъ простымъ и обычнымъ украшеніемъ нашихъ домовъ, а именно живымъ напоминаніемъ намъ о томъ, что мы не одни въ домѣ съ своею душою, слабою и бѣдною, ищущею блаженія и наслажденія, и незнющею, гдѣ Х. сокрыты они, но что съ нами соприсутствуютъ высшіе небесныя покровители, которые блюдутъ наше благо и счастье, и что мы живемъ въ своемъ домѣ, подъ милосердымъ охраненіемъ Десницы Всевышняго. Если только наши сердца будутъ проникнуты подобными чувствами благодати окъ намъ Господа и святыхъ Его, для нихъ дорога будетъ свой домъ, и въ немъ они будутъ находить то блаженство и ту полную счастію, безъ которыхъ скучна и пустая жизнь наша.

Будь живымъ у насъ это чувство, — оно сильно подавить въ насъ страсти, отъ которыхъ возникаютъ и разыгрываются не пріятныя и досадныя семейныя сцены, — именно ярость, гнѣвъ, злобу, и необузданность сварливаго языка и потому подобное. Изотворазлива этихъ страстей, ведущихъ въ не пріятности, и дѣлается человеку посылымъ домъ свой и онъ бѣжитъ изъ него, чтобы найти гдѣ либо среди чужихъ — нѣко-

торое развлеченіе, дающее возможность забыть домашнія непріятности. — При немъ водворится и укрѣнится въ домѣ миръ, любовь и тишина, и въявіе міра, любви и тишины успокоительнымъ образомъ будетъ дѣйствовать на сердца членовъ семейнаго дома, и сдѣлаетъ для нихъ пріятнымъ пребываніе въ своемъ домѣ. Оно утвердитъ добрый порядокъ домашней жизни, и къ нему будутъ относиться члены дома, какъ къ священному закону, и соблюденіе его будутъ считать обязательнымъ для себя. Требования этого порядка будутъ удерживать ихъ среди своихъ въ то время, когда другіе, не держащіеся твердыхъ обычаевъ семейныхъ, освящаемыхъ преданіемъ и голосомъ вѣры, въ разбѣяніи мыкаютъ время. Въ великіе праздники церковные члены вѣрующей религіозной семьи, послѣ богослуженія въ храмѣ, считаютъ долгомъ дома во взаимномъ общеніи раздѣлять радость праздника и этимъ общеніемъ увеличивать пріятности жизни намъ дарованной. День праздничный въ такой семьѣ есть какъ бы тихое радостное продолженіе торжества, начатаго въ церкви. Но нѣтъ въ сердцахъ вѣры, освящающей семейственные обычаи, — люди въ праздники не знаютъ, куда дѣлать себѣ и на что тратить время. И вотъ они собираются на гульбища, въ деревняхъ сидятъ около шинка и отъ бездѣлья предаются пьянству, въ городахъ идутъ въ клубы, на гулянья, рыщутъ изъ одного мѣста въ другое, какъ бы ища чего нибудь, и возвращаются домой за полночь, съ пустою душою, недовольные и хмурые. Люди вѣрующей религіозной семьи считаютъ обязательными для себя домашнія молитвы, какъ утромъ, такъ и вечеромъ, и уже одна мысль объ этомъ долгѣ не позволяетъ имъ долге надлежащаго отлучаться изъ своего дома. Ихъ обѣды — настоящія трапезы любви, начинаемыя молитвою, совершаемыя въ мирной бесѣдѣ какъ бы въ присутствіи самаго Господа, и заканчиваемыя благодареніемъ

Щедродателю Богу. Ни гдѣ, ни на какихъ парадныхъ и роскошныхъ обѣдахъ не чувствуютъ они себя такъ хорошо и приятно, какъ дома среди своихъ, за своею хотя пероскопною трапезою. Приходить ли какое либо радостное извѣстiе, — близкимъ оно сообщается, и съ близкими раздѣляется. Постигаетъ ли семью или какого либо члена ея тяжелое горе, — оно вызываетъ во всѣхъ, живущихъ въ благословенномъ домѣ, теплое участiе любви, и этимъ участiемъ люди облегчаютъ взаимныя страданiя: во всѣхъ нихъ является одна дума, согласное дѣйствiе воли и одинаковое чувство. При такомъ душевномъ согласiи не разбѣгаются члены семьи въ разныя стороны, что бы съ ними ни случилось. По совѣту Апостола Павла, члены древнихъ домашнихъ церквей занимались чтенiемъ Писанiя и научали другъ друга псалмами, пѣнiемъ и пѣснями духовными. И нынѣшнiе добрые христіане, сидя въ своей семьѣ, если не поютъ псалмовъ, то въ часы досуга занимаются чтенiемъ полезныхъ книгъ, добрыми бесѣдами, въ которыхъ вспоминаютъ бывшее и обмѣниваются мыслями и мирнымъ обсужденiемъ семейныхъ и общественныхъ дѣлъ. И все, что ни дѣлаютъ они, они дѣлаютъ во имя Господне, какъ бы въ Его присутствiи, и это освящаетъ всѣ ихъ дѣла, сосредоточиваетъ на доброй цѣли ихъ чувства и желанiя и вноситъ въ ихъ души усладу и успокоенiе, незнакомыя людямъ ищущимъ развлеченiй внѣ своего дома и думающимъ наполнить пустоту своего времени разсѣянною жизнью и соединенными съ нею забавами

(Воскрес. Чтен. № 45).

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТIЯ И ЗАМѢТКИ.

— Въ Возѣ почившiй святитель, высокопреосвященнѣйшiй Филбей, митрополитъ Кіевскiй, родился 15 января 1808 г.

въ Ярославской губерніи Любимскаго уѣзда въ селѣ Закобакинѣ; былъ сынъ причетника Григорія Петрова и въ мірѣ назывался Тимоѳеѣй Успенскій. По окончаніи курса въ Ярославской духовной Семинаріи, онъ поступилъ въ Московскую духовную Академію, гдѣ въ 1832 году окончилъ курсъ первымъ магистромъ и былъ опредѣленъ бакалавромъ той же Академіи по кафедрѣ церковной словесности, съ которой чрезъ годъ перемѣненъ былъ на кафедру герминевтики и церковной археологии. Въ ноябрѣ того же 1832 года въ Свято-Троицкой Сергіевской Лаврѣ онъ былъ постриженъ въ монашество, а въ 1838 году опредѣленъ былъ на должность инспектора С.-Петербургской духовной Академіи, и возведенъ въ 1839 году въ санъ архимандрита, а въ 1842 году въ званіе ординарнаго профессора С.-Петербургской Академіи. Въ іюль того же 1842 года Филоѳеѣй Успенскій изъ Петербурга перемѣненъ былъ ректоромъ въ Харьковскую Семинарію изъ которой въ томъ же году переведенъ ректоромъ въ Виѣанскую, а въ 1847 году въ Московскую Семинарію. Епископское служеніе высокопреосвященнаго Филоѳея началось также въ Москвѣ, гдѣ онъ въ 1849 г. хиротонисанъ былъ во епископа Дмитровскаго, викарія Московской епархіи. Прослуживъ здѣсь подъ руководствомъ митрополита Филарета около четырехъ лѣтъ, преосвященный Филоѳеѣй въ 1853 году былъ переведенъ епископомъ въ Кострому, а въ 1857 году въ Тверь, гдѣ въ 1861 году возведенъ въ санъ архіепископа. Управление Тверскою епархіею для преосвященнаго Филоѳея соединилось съ почти непрерывнымъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ присутствіемъ въ Св. Синодѣ (съ апрѣля 1857 по августъ 1867 года) при чемъ высокопреосвященнѣйшій Филоѳеѣй состоялъ председателемъ Высочайше учрежденнаго Комитета по примѣненію судебныхъ уставовъ 20 ноября 1864 года къ духовному вѣдомству. 5 мая 1876 года высокопреосвященнѣйшему

Филоею Всемилолюбивше повѣлно быь митрополитомъ Кіевскимъ и Галицкимъ, Успенскія Кіево-Печерскія Лавры священно-архимандритомъ и членомъ Св. Синода.

На всѣхъ этихъ поприщахъ служенія отличительными чертами въ Бозѣ почившаго архипастыря были: высокое подвижничество въ разнообразныхъ видахъ христіанскихъ и пастырскихъ доблестей, управление, проникнутое духомъ любви и кротости и соединенное съ твердостью характера и глубокимъ уваженіемъ къ закону, и широкая благотворительность преимущественно оказываемая различнымъ полезнымъ учреждениямъ и благотворительнымъ обществамъ, а также и духовно-учебнымъ заведеніямъ. „Святительское служеніе почившаго архипастыря, постоянно украшаемое пламенною преданностью православной церкви, неустанною попечительностью о духовномъ благѣ паствы и назидательнымъ для нея примѣромъ высокаго христіанскаго благочестія, было предметомъ особеннаго Монаршаго вниманія, неоднократно высказывавшагося въ Высочайшихъ рескриптахъ почившему“.

Многочлѣнные труды пастырскаго служенія и строгаго подвижничества давно истокали организмъ почившаго; нравственное потрясеніе страшнымъ событіемъ 1 марта окончательно надломило силы его и съ апрѣля прошлаго года повергло его въ тяжкую болѣзнь, не уступающую ни врачебному искусству ни благорастворенному воздуху Голосѣвской пустыни, гдѣ архипастырь провелъ лѣто и часть осени. Чувствуя невозможность полнаго восстановленія силъ, онъ давно уже желалъ сложить съ себя обязанности митрополита, которыхъ не могъ исполнять, но высокое уваженіе къ доблестямъ его и слабая надежда на выздоровленіе не допускала удовлетворить этому его желанію. Особенное ослабленіе физическихъ силъ стало замѣтно съ 10 января, и съ этого времени тихо угасала жизнь свѣтильника церкви Кіевской. Послѣдніе дни жизни и

мирная, безболѣзненная и святая кончина почившаго архипастыря была достойнымъ вѣнцомъ его святоподвижнической жизни.

Выходъ глѣзавъ Бозѣ почившаго Архипастыря изъ митрополичьихъ вѣнокъ Лавры въ Великую церковь послѣдовалъ 1-го февраля въ 11 часовъ утра, а отиѣваніе и погребеніе совершены были 4 февраля и вмѣстѣ съ литургіею продолжались отъ 8^{1/2} часовъ утра до 5 часовъ вечера. Обѣ печальныя церемоніи были послѣдними и достойными выраженіями благоговѣйной любви къ почившему Кіевской паствы. Заупокойная литургія и погребеніе совершены, высокопреосвященными архіепископами Дмитріемъ Волинскимъ и Іоанномъ Полтавскимъ, епископами Іоанномъ чигиринскимъ и Михаиломъ уманскимъ съ участіемъ всего Кіевского духовенства, въ присутствіи Кіевского генералъ-губернатора, высшихъ чиновъ военнаго, гражданскаго и учебнаго вѣдомствъ, воспитанниковъ всѣхъ духовно-учебныхъ заведеній и при огромномъ стеченіи народа, въ теченіи и предшествующихъ шести дней въ множествѣ притекавшаго въ Лавру на поклоненіе почившему святителю. Высокопреосвященнѣйшій Филофей погребенъ въ усыпальницѣ Крестовоздвиженской церкви ближнихъ пещеръ рядомъ съ близкимъ ему по духу митрополитомъ Филаретомъ.

Новый Кіевскій митрополитъ Платонъ уже болѣе пятидесяти лѣтъ проходитъ свое служеніе св. церкви и отечеству. Магистръ VII курса С.-Петербургской духовной академіи, постриженный въ монашество съ именемъ Платона въ 1830 г., началъ онъ свою служебную дѣятельность въ должности инспектора петербургской духовной академіи, и затѣмъ былъ ректоромъ Костромской духовной семинаріи (1837—1843 гг.) 8-го декабря, 1843 года назначенный на архіерейскую кафедру викарія Литовской епархіи, епископомъ Ковенскимъ, преосвященный Платонъ явился дѣятельнымъ сотрудникомъ знаменитаго апостола-миссіонера православія въ Литвѣ, митрополита Іосифа Симашко. Въ 1848 году, опытный ученикъ Іосифа былъ перемѣщенъ на вакансію викарія Псковской епархіи, — епископомъ Рижскимъ, нѣсколько времени управлялъ этою епархіею, и въ 1850 году, когда признано было необходимымъ учредить самостоятельную архіерейскую кафедру въ Ригѣ, былъ назначенъ первымъ епископомъ Рижскимъ и Митавскимъ.

Во вновь учрежденной епархіи открылось для преосвященнаго Платона широкое поле мисіонерской и архипастырской дѣятельности въ пользу православія, продолжавшейся болѣе 17 лѣтъ. Переведенный въ 1867 году, въ санъ тархіепископа, на Донскую епархіальную кафедру, преосвященный Платонъ и здѣсь явился апостоломъ православія среди громадной численности раскола. Въ 1877 году былъ перемѣщенъ въ Одессу. Недавно издано въ свѣтъ „Собраніе словъ и рѣчей“ этого архипастыря, но въ изданіи помѣщены далеко не все его слова и рѣчи. Мы не знаемъ случая, когда бы архипастырь безмолствовалъ тамъ, гдѣ только онъ присутствовалъ и гдѣ ему представлялся поводъ сказать проповѣдь или поученіе. Большинство изъ его рѣчей импровизация и остается не записаннымъ, но слова его дышатъ силою и мощью, при замѣчательной ихъ простотѣ и ясности, что объясняется высокими дарованіями, свѣтлою образованностью и обширною опытностью архипастыря. Къ сообщенной біографіи „Петербургская газета“ добавляетъ: Изъ наградъ высокопреосвященный Платонъ имѣетъ орденъ св. Александра Невскаго съ алмазными украшеніями, св. Владиміра со звѣздою, св. Анны 1-й степени, сербскій орденъ Такова 1-й степени и алмазный крестъ на клобукъ. Въ настоящее время ему пожалованъ обычный для русскихъ митрополитовъ бѣлый клобукъ съ крестомъ изъ брилліантовъ. Отъ роду высокопреосвященному митрополиту Платону 73 года, но силы, энергія и бодрость представляютъ его по вѣшнему виду не болѣе, какъ только полувѣковымъ дѣятелемъ.

Редакторъ, преподаватель Семинаріи Ив. Ушацкій.

СОДЕРЖАНІЕ: I. Слово въ день восшествия на престолъ Государя Императора, сказанное 2-го марта 1882 года. II. Гдѣ средство противъ пустоты нашей семейной жизни. III. Разныя извѣстія и замѣтки.

Дозволено цензурою. 25-го марта 1882 года.

№ 6 Епарх. Вѣд. сдать на почту 17 марта. Печ. въ Тип. Я. М. Чаусскаго.